

Исмайлова С.Р.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.54.119-131

Национальный интерес в системе политического реализма

Аннотация: Концептуальный силуэт теории политического реализма приобретает привлекательность, изящество и стройность именно потому, что он формируется на основе понятия «национальный интерес». Однако, изящество формы понятия «национальный интерес» не придало его содержанию привлекательности, которая позволила бы объединить вокруг него представителей разных подходов в международно-политической науке.

Теоретики либерально-идеалистической парадигмы и вдохновляющиеся их идеями практики готовы согласиться с существованием национальных интересов только при условии, что их содержанием должны быть признаны моральные нормы и глобальные проблемы современности. Защита суверенитета и связанное с этим стремление к могуществу в условиях усиливающейся взаимозависимости мира все больше утрачивают свое значение.

Ключевые слова: национальный интерес; политический реализм; государство; международные интересы; общественный интерес.

Политический реализм рассматривает «национальный интерес» как объективную данность, основанную на своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы - с другой.

* **Исмайлова Севиндж Рауф кызы** - докторант Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор философии права (Азербайджан). E-mail: sevism@rambler.ru

По мнению Г. Моргентау, «национальный интерес» представляет собой стабильную основу международной политики государства. Геополитическое положение государства и его окружения, природа тех угроз и вызовов, которым оно противостоит, так же как и социокультурные традиции его населения и структурные особенности его внешней торговли, не меняются каждый день и поэтому не зависят от произвола или субъективных предпочтений «государей». С его точки зрения, «национальный интерес» содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной «национальный интерес» принимает в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств [7, с. 163-164].

Представители политического реализма считают, что «национальный интерес» вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Последние обязаны исходить из того, что хорошая политика - это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый «национальный интерес». Это предполагает осознание того факта, что отличительным качеством политики, в том числе и международной, является борьба за власть. Объективное противоречие, с которым сталкиваются как исследователь, так и «государь», состоит в том, что сама природа власти препятствует «глубокой рационализации, порождает моральные дилеммы, политические риски и интеллектуальные неожиданности». Суть рационального подхода предполагает признание этой особенности политических отношений, что означает необходимость учитывать ее и разумно использовать на основе «национального интереса». Рациональный подход очерчивает рамки возможного в политике, указывает на препятствия

объективного характера, которые не позволяют навязать сопротивляющейся реальности ту или иную умозрительную схему, сколь бы привлекательной она ни была. Любые попытки устранить эти препятствия, продиктованы ли они заботой о практических результатах, стремлением ли к надежному предвидению или к преодолению неопределенности политики, обречены на неминуемый провал, поскольку исходят из того, что желательно, вместо осознания того, что возможно. Более того, подобные попытки не только утопичны, но и опасны, поскольку зачастую они основываются на моральных или идеологических предпочтениях [7, с. 168].

По утверждению Г. Моргентау, хотя суть политики состоит в стремлении к утверждению моральных ценностей посредством власти, это не означает, будто политик может претендовать на знание того, что является морально обусловленным для «государства» в той или иной конкретной ситуации. Вытекающее из подобных претензий «беспечное предположение, что носителем и выразителем морального блага является какая-то одна нация, а исповедующей зло - другая, несостоятельно не только морально, но и интеллектуально. Практически подобное предположение ведет к искажению оценок, к порождению безумия неистовых крестовых походов». Что же касается идеологии, то «внешняя политика, добивающаяся триумфа одной-единственной идеологии, всегда приводила к фанатичным и кровавым войнам...» [7, с. 164-165]. Моральная политика исходит из необходимости согласования и компромиссов в защите «национальных интересов» государств на международной арене, из стремления к достижению «всеобщих интересов», что несовместимо с соперничеством политических идеологий [7, с. 174].

Согласно утверждениям представителей политического реализма, «национальный интерес» кардинально отличается от «общественного интереса». Если первый существует в условиях анархической

международной среды, то второй связан с системой законов, регулирующих внутригосударственную политику. Иначе говоря, в отличие от «общественного интереса», понятие «национальный интерес» относится к сфере внешней политики государства.

Следует обратить внимание, что сторонники строгого понимания категории «национальный интерес» как в теории, так и в политической практике неизменно придерживаются этого разделения. «Так же как понятие «общественный интерес» использовалось для увеличения и защиты общественного блага против внутренних вызовов, - пишет один из последователей теории политического реализма, - понятие «национальный интерес» использовалось для продвижения целей внешней политики» [6, с. 13; 8, с. 16; 12, с. 2].

Таким образом, концептуальный силуэт теории политического реализма приобретает привлекательность, изящество и стройность именно потому, что он формируется на основе понятия «национальный интерес». Однако, изящество формы понятия «национальный интерес» не придало его содержанию привлекательности, которая позволила бы объединить вокруг него представителей разных подходов в международно-политической науке. Критики усомнились в утверждении Г. Моргентау о том, что «есть только один категорический императив, только один критерий рассуждения, единственный принцип действия: национальный интерес». Оппоненты реализма отказались принимать на веру самое главное в нем - объективность содержания «национального интереса». Скептики нашлись даже в стане стойких приверженцев политического реализма. По мнению Р. Арона, плюрализм целей, средств и ресурсов, которыми располагают различные индивиды и группы внутри государств, не образует некую равнодействующую и не позволяет оценить «национальный интерес» как критерий анализа или идеал для политического деятеля [1, с. 101]. Внешняя

политика государства, как считал Арон, выражается в действиях его лидеров, которые обладают определенными степенями свободы в выборе целей. При этом большое значение имеют идеология, амбиции, темперамент и т.п. качества лидеров. Однако положение государственных лидеров обуславливает их стремление создать такое впечатление, будто в основе всех их действий лежит национальный интерес [1, с. 97-102].

Некоторые последователи Арона идут еще дальше, полагая, что, хотя интерес объективен, но он, по сути, непознаваем. Для ученого, исходящего из объективного интереса в объяснении поведения людей и социальных общностей, опасность состоит в почти абсолютной неизбежности соскальзывания на путь произвольного «конструирования» интересов. Как утверждает ряд ученых, существует риск заменить субъективность тех, кого изучает социолог, его собственной субъективностью [4, с. 26]. Подобного мнения придерживается и известный французский специалист в области международных отношений Ж.-Б. Дюрозель. «Было бы, конечно, хорошо, - пишет он, - если бы существовала возможность определить объективный национальный интерес. Тогда можно было бы довольно просто исследовать международные отношения путем сравнения национального интереса, предлагаемого лидерами, и объективного национального интереса. Беда, однако, состоит в том, что любое размышление об объективном национальном интересе является субъективным» [5, с. 88].

По мнению А. Уолферс, «национальный интерес» может означать разные вещи для разных людей, более того, он способен придавать привлекательный вид ошибочной политике [11, с. 147].

Теоретики либерально-идеалистической парадигмы и вдохновляющиеся их идеями практики готовы согласиться с существованием национальных интересов только при условии, что их содержанием должны быть признаны моральные нормы и глобальные проблемы современности. Защита

суверенитета и связанное с этим стремление к могуществу в условиях усиливающейся взаимозависимости мира все больше утрачивают свое значение [10, с. 38-43]. Нетрудно заметить, что защита нравственных ценностей и ответы на глобальные угрозы выходят далеко за рамки национальных границ. Отсюда заявления о том, что главная задача, стоящая сегодня перед демократическими государствами, не защита национальных интересов, а забота о моральных принципах и правах человека [3, с. 5-7].

Некоторые исследователи приходят к выводу о том, что «национальный интерес» - не более чем миф, символ, используемый политиками для оправдания своих действий и сокрытия собственных ошибок и борьбы с оппозицией [2, с. 3]. Дарио Баттистелла полагает, что вышесказанное позволяет заявить о том, что «национальный интерес» — это «не столько инструмент анализа международной политики, сколько понятие для внутреннего политико-идеологического употребления» [2, с. 3]. Данный вывод вполне согласуется с заключением Дж. Розенау, сделанным еще в 1971 г.: «Независимо от положений, приведенных в поддержку этого концепта и несмотря на его кажущуюся полезность, национальный интерес так и не стал тем аналитическим инструментом, которым когда-то обещал стать» [9, с. 248].

Библиография

1. Aron R. Paix et Guerre entrée / R. Aron – Paris: Calmann-Levy, 1984.
2. Battistella D. Théories des relations internationales, Paris, Sciences Po les Presses, 1995.
3. Blair T. «Doctrine of the International Community». Address by British Prime Minister Tony Blair to Economic Club, Chicago, 111. 1999. 22 April.

4. Derriennic J.-P. Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.
 5. Duroselle J.-B. Tout empire perira. Une vision theoriqu des relations scene international. Paris: Armand Colin, 1992.
 6. Kratochwil F. Of the Notion of Interest in International Relation // International Organization. Vol. XXXIV. Winter 1982.
 7. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Boston : McGraw-Hill Higher Education, 2006.
 8. Nuechterlein D.E. America Recommitted: United States National Interests in a Reconc tured World. Pexington, 1991.
 9. Rosenau J. The National Interest: Normative Foundation // Review of Politics. Vol. 43. 1986. Autumn.
 10. Smouts M.-C. (sous la dir. de). Les nouvelles relations internationales. Pratiques et theories. P., 1998.
 11. Wolfers A. Discord and Collaboration. Essay of International Politics. Baltimore, 1962.
 12. Yarger R.H. and Barber G.F. The U.S. Army War College Methodology for Determing Interests and Levels of Intensity. Carlisle Barraks, 1997.
- Wolfers A. Discord and Collaboration. Essay of International Politics. Baltimore, 1962.